

Дома без хозяев

19. 08. 2000. M. P. Schuyt

Илья Рудяк

**ГЁТЕ
В ГЕТТО**

 collaborative spirit
2007

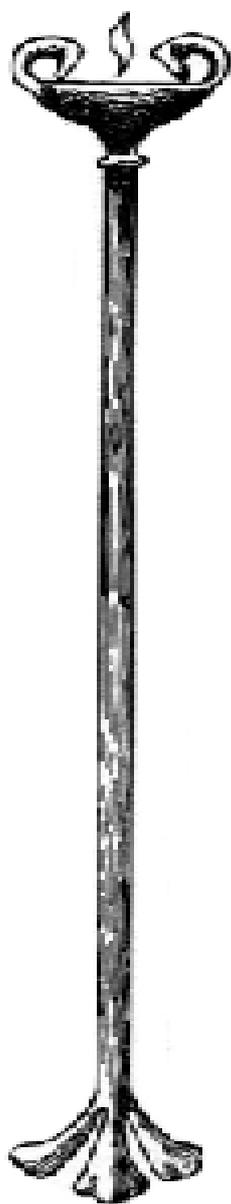

Еврейское кладбище в Джуристине – это тысячи могил, включая могилы, моих прадедов, дедов, родителей... ..их разрушали дожди, снега, ветры...погромщики, петлюровцы, фашисты...

Стена - общая могила для аригим – невинно убиенных.

*Памяти жертв
Холокоста*

ТАХРИХИМ

Бабушка Ита почти ослепла.

Из тринадцати детей в живых остались пятеро.

Три дочери жили в Джурине, старший сын Мейлах – в Америке, и самый любимый, Зейлык, учился в Одессе. Характер у бабушки был сложный, и ужиться она могла только с нашей мамой. Ежегодно, на присланные из Нью-Йорка деньги, она ездила в Карлсбад на воды, вплоть до начала тридцатых.

Она боялась умереть неожиданно в дороге и возила с собой сшитые из белого тонкого полотна тахрихим. Последний раз она прихватила их, когда везла передачу Зейлыку, арестованному в тридцать седьмом. Он погиб в лагере, неизвестно где и как.

Больше бабушка никуда уже не ездила. Тахрихим из чемодана были аккуратно сложены в шкаф.

В первые дни войны одна из бомб, сброшенных на Джурин, попала в наш дом. Бабушка Ита, как всегда, в полдень сидела в столовой и пила чай с любимым вишневым вареньем. Кроме нее, в доме никого не было.

Мертвое изувеченное тело бабушки с трудом извлекли из-под обломков дома. Её завернули в принесенную тетей Фейгой простыню и похоронили на кладбище у восточной стены – место для аригим, невинно убиенных.

ЗОЗУЛЯ

Ранним утром, как обычно, хозяева выпустили коров на пастбище. Вышла из хлева и наша Зозуля, черная в белых пятнах корова, недавно отелившаяся.

Пастух Степан погнал стадо к яру, за еврейское кладбище, разрезая воздух щелканьем бича.

Когда появились немецкие самолеты и стали бомбить местечко, Степан залег в чертополох и накрыл голову свиткой. Фрицы выпустили для забавы пулеметную очередь по пасшемуся стаду. Несколько коров свалились в траву. Остальные с ревом побежали домой.

Зозуля мчалась первой. Тяжелое вымя, переполненное молоком, болталось из стороны в сторону.

Не застав на месте хлев с телятником, она остановилась и, вытянув шею к небу, долго, долго редела.

СИМХА

Когда немцы зашли в местечко, попалась им на глаза Шифра Ткач – жена портного Мойше, ушедшего на фронт.

Она вот-вот должна была родить. Ее распирает огромный живот.

На базарной площади собралась толпа. Федька Царук, ставший вскоре полицаем, подошел к солдату и, показывая жестом на Шифру, попросил у того винтовку. Фриц снял ее с плеча и бросил Федьке. Бравый парубок дулом винтовки приподнял у Шифры платье и стал слегка нажимать на курок.

Женщина от стыда и страха упала на камни мостовой. Толпа засмеялась.

Федька носком сапога несколько раз ударил Шифру в живот. Та прикрыла его руками, раздирая криком площадь.

Окровавленную, ее отпустили домой.

В ту же ночь Шифра родила мальчика.

Нос у него был приплюснут до самой губы.

Назвали его Симхой, что значит — “радость”.

АВРУМЫХА

Немец с местным полицаем зашли в дом к старой Аврумыхе. Забрали из комода серебряные ложки и потребовали золота.

Сначала Аврумыха отнекивалась, но когда ей приставили к горлу штык – полезла на чердак и под балкой, у самой крыши, достала коробочку с золотыми десятками.

На следующий день, опомнившись, она пошла в комендатуру. Смешивая украинский и идиш, пожаловалась на грабеж.

Комендант похвалил ее за приход, обещал во всем разобраться и предложил спокойно идти домой.

Из раскрытого окна он видел удаляющуюся по главной улице местечка фигуру этой глупой еврейки, приходившей к нему, штандартенфюреру СС, за справедливостью.

Он вынул из кобуры пистолет, долго целился и выстрелил.

Аврумыха, с добрыми чувствами к герр коменданту, упала в дорожную пыль, так и не осознав, что с ней случилось.

ГЁТЕ В ГЕТТО

Единственной моей книгой в гетто был толстый томик в кожаном переплете с чужими, незнакомыми буквами. Я водил пальчиком по строчкам и “читал” про Козу-Дерезу, про Колобка, про Лисичку-сестричку, про Теремок. Человека во фраке за обложкой я считал моим дедушкой, о котором слышал, что его убили немцы. Мне шел пятый год.

Много позже я узнал: той книжкой был первый том собрания сочинений Иоганна Вольфганга Гете, изданный в 1841 году во Франкфурте на Майне. Это все, что уцелело из громадной библиотеки отца нашей мамы, рабби Кисиила, после того, как бомба сровняла наш дом с землей.

УЧИТЕЛЬ ИЗ ЯСС

К началу оккупации в доме Верхолазов нашли приют девятнадцать человек.

В спальне жили сами хозяева, в передней по углам – четыре семьи, и между окнами на деревянной софе – одинокая девушка из Бессарабии Хана. Она простудила легкие и быстро угасала без лекарств, без еды, без тепла.

Влюбленный в нее учитель латыни из Ясс сидел на полу и своим дыханием согревал ей руки. Его жена и взрослеющий сын делали вид, что ничего не замечают. Высокая температура вызывала у больной бред.

В один из осенних вечеров, когда совсем стемнело, он надел свое длинное, почти до пят, пальто, натянул на голову шляпу и молча вышел из дома. Его долго не было. Вдруг со стороны аптеки послышались выстрелы: один, второй, третий. Жена и сын застыли у окон, глядя в темноту. Хана тихо плакала, покусывая губы. Учитель приполз к двери за полночь. Обе его ноги были прострелены. Перед тем, как дать перевязать раны, он вывернул карманы пальто, грудка лекарств высыпалась на одеяло, которым была накрыта Хана.

ШЛОЙМЕ ДИ БУРД

Шлойме был самым сильным мужчиной в гетто. Из-за густой черной бороды его прозвали Ди Бурд, Он любил подбрасывать меня высоко над собой, и, пока я падал в его большие, крепкие руки, мой дух улетал в небо. Я обхватывал его за шею, прижимался к бороде и был счастлив. Шлойме жил по соседству с нами у Менсожников. Уже несколько дней Шлойме не выходил из дома. Я узнал от мамы, что он заболел тифом. Это слово витало в гетто, как Малхамувис, которым пугали детей. Шлойме забрали в пристройку у синагоги. Я хотел увидеть Ди Бурд. Я плакал, тербил маму за юбку, и она повела меня к нему. Я осторожно нес в руках завернутый в одеяльце теплый глиняный горшок с картошкой. Мои босые ноги оставляли следы на мягкой весенней дорожке. Опершись спиной о выбеленную стену синагоги, на земле сидел и грелся седой старик. Мама направилась к нему. Это был Ди Бурд. Я прижался к маме и смотрел на его голову: волосы на ней и борода были полностью покрыты белыми вшами. Они роем шевелились в них. Мама оставила горшок возле Шлойме и поспешила увести меня. Вскоре Ди Бурд умер.

КОШЕР

С евреями-беженцами из Румынии прибыл в гетто и рабби Адвернер. Он поселился с семьей в полуподвале Йосл Кижнера. Буквально на следующий день он собрал джуринских мальчиков и открыл для них Бет Мидраш. Любимым учеником его стал наш Шмилык. Он начал носить кипу, цицес и заставил маму подготовить посуду для кошера. Она выделила ему мисочку, ложку, вилку, надраила до блеска песком и глиной две кастрюли, имевшихся на хозяйстве, и Шмилык строго соблюдал кошер.

Правда, кастрюлю для мясного за все время оккупации ни разу не пришлось использовать.

ДОНОСЧИК

В канун Хануки рабби Адвернер достал из дорожного сундучка семь серебряных подсвечников – семейную реликвию – и поставил их на стол.

Он рассказал детям историю праздника и зажег первую свечу.

На пятый день один подсвечник исчез.

Шмилык заметил, что его сунул под пальто Ицык, сын хозяина дома.

Всю ночь Шмилыка мучил вопрос: сказать об этом рабби или он уже сам знает – ведь он всевидящий.

На следующий день, когда все собрались в Бет Мидраш, рабби даже не обратил внимания на пропажу.

Шмилык улучил момент и рассказал о воре.

- Шмилык, меня огорчил твой поступок. Нет ничего ужаснее доноса.

Шмилык почувствовал стыд и готов был провалиться сквозь землю.

Теплая рука рабби легла на его голову.

ЛЕЙБАЛЕ-ГАДАТЕЛЬ

Лейбале дер Трефер жил в соседнем местечке за Бугом, в пристройке у синагоги. Рабби Йойхн благоволил ему и часто приглашал потолковать о священных книгах.

В округе Лейбале слыл гадалем. Он предсказывал события, снимал головную боль, лечил от ишиаса.

Когда дочь Аврума Корчмаря Неся была на сносях, Лейбале посоветовал немедленно вызвать самолет и отвезти ее рожать в Винницу, к профессору Вайнштейну.

Богатей-маслобойщик плюнул гадалею в седую бороду и обозвал его сумасшедшим.

Неся скончалась при родах в страшных муках. От мала до велика собрались на похороны. Пришел и Лейбале. Обезумевший Аврум прогнал его с кладбища.

... В июле немцы вошли в местечко. Крестьяне встречали их хоругвями, иконами, хлеб-солью. Рабби Йойхн и несколько уважаемых седобородых стариков тоже хотели заверить германцев в своей лояльности. Лейбале просил этого не делать, ибо “все равно нас ждет одна и та же участь”. Они не послушались его.

В одну из суббот всех евреев местечка согнали на базарную площадь. Не пришел лишь один Лейбале. Местный полицай Петро Яворский с подручными обегали все дома, обыскали все погреба и, наконец, вломились в синагогу. Лейбале, облаченный в белый талес, спокойно стоял перед Торой.

Его схватили и привели на площадь. Там уже все были выстроены в колонну. Немецкий офицер поманил стеком к себе Лейбале и тихо спросил:

- Мне сказали, что ты умеешь предсказывать будущее. Так что же вас всех ждет?

Лейбале ответил:

- Нас всех расстреляют в яру за школьным садом. Кроме одного.

- Ты имеешь в виду себя?

- К сожалению, да.

Офицер внимательно посмотрел на этого высокого старика и на миг стушевался.

- Я еще задам тебе один вопрос, и от ответа на него зависит

твоя жизнь. В Веймаре меня ждет невеста. Я обещал ей приехать на Рождество и справить свадьбу. Она состоится вовремя или раньше?

Лейбале молчал.

- Я жду!

Лейбале опустил голову.

- В чем дело?

- Ты погибнешь на большой реке через два года. Твоя невеста выйдет замуж еще до этого.

Офицер оторопел. Затем стал хлестать стеком по лицу старика и неистово кричать:

- Повесить! Сейчас же! Тут же! Повесить!!!

Солдаты и полицаи сорвали с Лейбале талес, затащили его крепко на шее несчастного и поволокли к телеграфному столбу.

Единый всхлип пронесся над толпой.

Появилась лестница, и легкое бездыханное тело Лейбале повисло на перекладине.

ПОБЕГ

В лагерь Кисильк и Зямке попали вместе. Они спали рядом на одних нарах, покрытых жесткой, колючей соломой. В бараке моложе их никого не было. Большинство составляли евреи из Бухареста, Ясс, Констанцы: бывшие дантисты, музыканты, врачи.

Вот уже второй день, замечал Кисильк, ди румынер шушукались, спорили, озираясь при этом по сторонам.

Зная уже немного язык, он уловил, что речь идет о побеге. Поделился новостью с Зямкой.

- Они заблудятся среди болот в лесах. А если и выберутся, то их тут же выдадут немцам, – ответил тот.

Неожиданно к Кисильку подошел доктор Натан Ниссенбаум и отвел его в сторону.

- Я давно присматриваюсь к тебе: ты умный, интересный мальчишка. Буду с тобой откровенен – сегодня ночью нас выведут отсюда. За нас заплачен большой выкуп. Мы можем взять еще одного человека. Советую тебе пойти с нами. Ты здешний, знаешь дорогу, и мы доберемся до гетто, где стоят румынские войска.

- А Зямке?

- К сожалению, только одного.

- Без него я не пойду.

- Подумай. И никому ни слова.

И отошел.

- Что он тебе говорил? – спросил Зямке.

- Спрашивал, как добраться до Джурина.

- Значит, они-таки решили бежать?

- Да.

Оба не смыкали глаз и прислушивались.

В часов девять в барак вошли два немца с автоматами наперевес. Они вызвали по списку двенадцать человек. Те выстроились у выхода.

Кисилык и Зямке прижались друг к другу, затаив дыхание.
Послышался топот удаляющихся шагов.

- Ты жалеешь, что не пошел с ними? – спросил Зямке.

Кисилык промолчал.

- Спасибо, – и Зямке пожал ему в темноте руку.

Прошло минут десять, и к бараку со стороны торфяных болот донеслись автоматные очереди.

Кисилык и Зямке рыдали, уткнувшись лицами в солому.

СЛЕД НА СНЕГУ

Ноткэ дер Ройтер, рыжий мальчишка с верхних нар у двери, проснулся глубокой ночью от рези в желудке. Он тихо натянул на себя ватник и вышел на плац. Накунуне выпал снег. Он покрыл пространство вокруг бараков ровной белой простыней. До туалетных ям было далеко. Ноткэ оглянулся и, стянув пижаму, присел на корточки. Собираясь уже назад, он увидел над собой надзирателя. Тот, зажав перчаткой нос, процедил сквозь зубы:

- Фи-и, дрек! Твой личный номер, жидовская свинья?

В полутьме немец не видел его лица, и Ноткэ выпалил первые попавшиеся на ум шесть цифр. Тот отпустил его.

Заснуть Ноткэ уже не мог. “Я-то спасся, – думал он, – а вина падет на другого. Может, это окажется та хромая девушка из женского барака, что улыбается ему при встрече? А может, кто-то другой или другая? И что с ними сделают? Расстреляют? Может, признаться?” Он так и не принял решения.

Утром выстроили весь лагерь. После переклички комендант объявил:

- Ночью кто-то из вас позволил себе испоганить это чистейшее место. Мало того: он ввел нас в заблуждение, назвав несуществующий личный номер.

У Ноткэ сразу отлегло от сердца.

- Мы точно знаем, что он из третьего мужского барака. Я жду, что на этот раз он найдет в себе мужество признаться и выйти вперед.

“Час от часу не легче”, – подумал Ноткэ.

- Я считаю до трех.

Ноткэ подмывало выйти, но страх сковал ноги и душу.

- Ну, что ж, – продолжал комендант, – в таком случае, каждый десятый из этого барака будет расстрелян.

Ноткэ как бы парализовало.

Отсчитали каждого десятого. Ноткэ не вошел в их число.

Все естество его кричало: “Они не виноваты! Я не виноват! Никто не виноват! Я хочу жить, хочу жить!” – и он в беспомощности рухнул в снег.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из гетто часто отправляли людей на работу в Тульчин – лагерь, где орудовали немцы.

Редко кто возвращался оттуда живым. День отправки становился для местечка черным днем. Стоял плач: жены не могли оторваться от мужей, матери от сыновей. Пришла очередь нашего отца. Мягкий по натуре человек, с искалеченной левой рукой, он явно шел на гибель. И тут мама приняла необъяснимое решение: вместо мужа послать своего любимца-первенца, пятнадцатилетнего Кисилька. Она уговорила себя и папу, что Кисильк удачлив, смышлен, красив и сумеет вернуться. Но не успела машина с обреченными скрыться за поворотом у речки, как мама, бежавшая за ней, споткнулась, упала и застыла, растянувшись на мостовой..

С этой минуты она не могла уже спокойно жить. Она ходила за советом к Гершл Каральнику, к рабби Адвернеру, молилась. Затем она достала свое обручальное кольцо и отнесла к Васылю Задорожному – тот обещал ей пойти в Тульчин и привести Кисилька.

Мама седела на глазах. Она ежедневно под вечер ходила на разъезд встречать сына. Румынские солдаты обходили ее стороной и ни о чем не спрашивали.

Однажды ярким солнечным днем, взяв меня на руки, мама пошла на речку стирать белье. Она часто поглядывала на густые кусты, облепившие противоположный берег. Оттуда послышался голос Кисилька:

- Мама! Я прячусь здесь с Зямкой. Мы бежали. Не подходи к нам, не кричи. Вечером я приду домой.

В доме Верхолазов, где мы ютились, на столе стоял испеченный Цизей ди сарверн лейкех и горели две свечи в медных подсвечниках. Наступил субботний вечер. Мама, сразу помолодевшая, с сияющими глазами, прижимала к себе голову Кисилька и впервые дала волю слезам.

"ТАЙНИК"

Боясь, что бежавшего из лагеря Кисилька кто-то увидит в доме, его решили в дневное время прятать в деревянном сундуке, на котором лежала умирающая Хана.

Трудно быдо придумать более жестокое наказание. Когда с наступлением темноты Кисильк выходил из "тайника", то еле держался на ногах. Его обливали холодной водой, поили, кормили. Но никакой радости от этого он не испытывал. Через неделю он заявил: "Лучше я вернусь в лагерь, чем еще раз лягу туда." Мама пошла к модистке, мадам Дьяченко. Ее сын Володя дружил с Кисильком. Они согласились принять его к себе. Ночью Кисильк перебрался туда. Это было самое счастливое время в его жизни.

АКТРИСА

В гетто оказалась актриса из Черновиц. Для джуринян она как бы сошла с экрана кино.

В один из наскоков в гетто ее заметил офицер СС.

Ему понравилась красавица-еврейка. Привыкшая к ухаживаниям, к роскошной жизни, она стала его любовницей. Эсэсовец подъезжал к дому Халумышыс на черном “Опель-адмирале”, поднимая пыль до облаков. К нему тут же выходила нарядно одетая, благоухающая актриса, и они укатывали в лес Карманского.

Если приезд его выпадал на холодные дни, обитатели дома быстро убирались к родственникам, оставляя любовников наедине.

Актриса часто выручала из беды своих соплеменников.

Перед отступлением офицер в последний раз приехал к актрисе. Они не смогли распрощаться. Он увез ее с собой.

Местечко прильнуло к окнам, молча провожая их.

По дороге в Винницу машина подорвалась на mine.

ОТЕЦ И СЫН

Из Джурина ушли на фронт несколько десятков мужчин и юношей.

Большинство из них погибло.

Когда Фейге прибежали сообщить, что ее Дувид только что соскочил с попутной машины и, весь увешанный медалями, идет домой, она пустилась бежать навстречу, рыдая и крича:

- Дувид! Мой Дувид – живой!

Вслед за ней бежали две перепуганные девочки.

Встретились все у помпы и застыли: четыре года не видели друг друга.

- Где Арончик? – спросил отец.

- Убили нашего Арончика, Дувид.

Вздрыгнули плечи у пожилого солдата, и он заплакал вместе с женой и детьми.

СВИТОК ТОРЫ

Дома Арона Рапопорта и Ивана Павлишина стояли рядом.

Оба работали на сахарном заводе. Арон – бухгалтером, а Иван – на жомовых ямах учетчиком. У обоих было по дочери и сыну. Почти одногодки. Дети читали одни и те же книги, ходили на одни и те же фильмы, а подростки – и на танцплощадку возле клуба. Суня влюблен был в Марусю, а Вовка – в Бетю. Летом сорок первого мальчики окончили десятилетку и готовились поступать в летное училище.

Но началась война. Записались добровольцами на фронт. Из-за сильного плоскостопия громадного Вовку не взяли. Невысокий и плотный Суня попал в танковую часть. Он даже был рад, что друг останется с девушками и присмотрит за ними.

При расставании плакали, не стесняясь.

Суня отвоевал до самой Победы.

Возвращался домой с тяжелым грузом на сердце.

Знал о расстрелах евреев в родных местах, но теплилась надежда: а вдруг Вовка сумел сберечь родителей и Бетю.

В местечке он не встретил ни одного знакомого. Направился к дому. Там обосновались новые люди – молодой инженер с женой. Они слышали, что здесь прежде жил бухгалтер завода, но его расстреляли за жомовыми ямами вместе со всеми евреями. Никто не спасся. Про соседа знали, что их сын служил полицаем. Одно время он прятал у себя невесту-еврейку. Но на него донесли свои же полицейские, и он сам привел ее на площадь, где уже выстроилась колонна. Когда немцы бежали, он исчез.

Суня стал собираться. Ему предложили остаться на ночь, но он поблагодарил и ушел. На улице вечерело. У Павлишиных окна не светились. Ноги повели Суню в сад. Там возле ветвистой старой черешни был глубокий погреб с тайником – их штаб, когда они играли в “красных” и “белых”. Вовка был командиром, а он, Суня – комиссаром. Дверь, как и раньше, была на засове. Он снял железный прут и открыл ее.

Девять ступеней вели вниз. Он начал спускаться.

- Тату, то вы? – услышал он голос Вовки.

Он молча сошел вниз.

- Кто це?

- Это я, Суня Рапопорт. Зажги лампу.

Мимо уха пролетел кирпич и ударился о ступеньку.

- Не дури.

Чиркнула спичка. Вовка снял стекло с лампы и зажег фитиль.

Перед Суней предстал заросший, с красными веками мужик.

Тайник был увешан окороками, заставлен кринками и бутылками. На деревянном столе лежал... развернутый свиток торы.

Суня узнал ее. Дедушка Хаим не раз приводил его в синагогу на Рош-Гашана, на Пейсах, и однажды с другими мальчиками он даже носил свиток между рядами молящихся.

- Почему она здесь? – спросил удивленно Суня.

- А я из нее чуни шью. Ця тора з тончайшой кожи сделана.

Суня лишь теперь заметил, что на столе рядом с отрезанным куском из Пятикнижия лежал сапожный нож и толстая игла с суровыми нитками.

- Суня, не выдавай меня. Я пытался спасти Бетю. В этом погребке держал ее, поил, кормил. А потом ее забрали. Я ничего не мог сделать. Не выдавай меня, Суня.

В погребке глухо прозвучал выстрел.

Суня приложил отрезанный кусок к Торе и стал сворачивать ее в свиток.

Над жомовыми ямами висела луна.

Суня стоял с прижатой к шинели Торой и рыдал.

ВСТРЕЧА

В гетто мы носили желтые повязки со звездой Давида.

Мама нашла их на всей нашей скудной одежде.

Мой брат Шмилык выбежал как-то на улицу в одной маечке и тут же наткнулся на полицаю Федьку.

- Гей, жydеня! Ты чого бэз “могендовыда” выйшов? – и вскинул ружье.

Шмилык пустился бежать вниз по улице к дому дедушки Хаима.

Федька выстрелил ему в спину и... промахнулся.

После освобождения местечка полицаю арестовали, судили и дали десять лет лагерей. Отбыв срок, он вернулся в Джурин.

Шмилык к тому времени стал студентом пединститута и приехал домой на каникулы.

Встретились на улице бывший полицаю и будущий учитель математики и, как заведено в местечке, сказали один другому: “Добрый день!” – и разошлись.

Вместо эпилога **ДУШЕВАЯ**

Старик полностью лишился памяти. Большую часть суток спал. Просыпаясь, сразу просил есть. Жадно, боясь, что отнимут, съедал все без остатка.

И два раза в неделю, перед купанием, становился беспокойным.

Крепкая молодая полька Эльжбета, прибывшая в Чикаго на приработки, с трудом стягивала с него пижаму и вела его в душевую, расположенную рядом со спальней.

Он дико сопротивлялся, сотрясая воздух проклятьями на идиш.

Успокаивался лишь, видя что из кранов с шумом льется вода.

Когда в очередной раз я кормил старика, то легонько отвернул рукава его рубашки и увидел на правой руке выжженное клеймо – номер узника освенцимского лагеря.

После бомбежки дом, в котором мы жили до войны, был снесен с лица земли.

Нас приютили на время соседи. А прожили мы в нем всю оккупацию. В двух комнатках нас собралось 18 человек.

В таких халупах, рядом с селпо, ютились в гетто евреи...

*Здесь жила моя одноклассница. Я был в нее влюблен.
Нам было по семь лет.*

*А в этом домике жила Лизы де Мишугене. Я тоже бросил
в ее огород камешек, прошу прощения.*

Бывшая синагога, построенная еще до революции. В советское время ее экспроприровали и в ней размещались разные учреждения. В оккупацию фашисты заняли ее под свои нужды...

До войны, здесь осталась единственная действующая синагога. Просуществовала она до конца пятидесятых. Сюда я ходил с бабушкой и папой на Рош-Гаиана, Пейсах, Хануку... Затем советская власть ее закрыла и заняла под склад.

Эта синагога была построена в начале 19-го столетия, в Шаргороде, который был расположен рядом с Джурином. В советский период, она была превращена в винный завод, и вместо звезды Давида появилась красная звезда.

В этом доме, в разное время, была парикмахерская, пекарня, забегаловка, пиво-воды, буфет. Владельцы умерли, дети переехали, и остался один скелет здания.

Здесь жил сапожник. Дом служил ему и жилищем с многочисленным семейством и мастерской.

Типичная “архитектура” штетале.

*Когда Красная
Армия освободила
гетто, мы
переселились
в дом сестры
нашей мамы.
Здесь прошло мое
детство.
Отсюда я шагнул
в мир. Окончил
институт, стал
режиссером,
ставил спектакли,
фильмы, писал
книги.
Оказался в
гостеприимной
Америке.*

За этими досками скрывался нужник

Фото 2005 г.

Склеп местного цадика.

Могилы, могилы, могилы...

Камни кричат

Это могила нашего раввина Гершл Каральника. Он был совестью местечка. Земля ему пусть будет пухом.

Кто здесь похоронен, кем они были в жизни? Об этом мы никогда не узнаем.

Камни тоже могут быть одиноки...

Могилы умирают стоя.

Редкие образцы каменных плит с разнообразными орнаментами, выполненных еще в 18-19 столетиях.

Когда-то была здесь ограда, калитка с замком...

... затем ее сорвали хлопчики, пасущие на заросшем сочной травой кладбище, коров, коз, свиней... сорвали вместе с замком.

Старое еврейское кладбище в Джурине.

*Здесь нашли себе место и евреи из Румынии, Бессарабии
и других стран Европы, которых фашисты загнали в
Джуриинское гетто...*

После отъезда из местечка, родственники оставляли подписи на камнях.

Умерших облачали в тахрихим, клали на носилки и накрывали покрывалом, с вышитым по центру могодovidом и несли на кладбище.

Когда в местечке был похоронен последний еврей, носилки за ненадобностью оставили возле могил...

Автор, приехал на кейверувыс из Чикаго на могилу своей матери, Рахиль баас Кисил.

Плач по ушедшим...

Содержание

ТАХРИХИМ	6
ЗОЗУЛЯ	7
СИМХА	8
АВРУМЫХА	9
ГЁТЕ В ГЕТТО	10
УЧИТЕЛЬ ИЗ ЯСС	11
ШЛОЙМЕ ДИ БУРД	12
КОШЕР	13
ДОНОСЧИК	14
ЛЕЙБАЛЕ - ГАДАТЕЛЬ	15
ПОБЕГ	17
СЛЕД НА СНЕГУ	19
ВОЗВРАЩЕНИЕ	20
“ТАЙНИК”	21
АКТРИСА	22
ОТЕЦ И СЫН	23
СВИТОК ТОРЫ	24
ВСТРЕЧА	25
ДУШЕВАЯ	27

Обложка - Андрей Забелин
Карандашный портрет автора - Май Данциг
Орнамент - Марк Ройтман
Компьютерный дизайн - Сергей Халабуда
и Дима Халабуда
Фотографии и замысел оформления - Илья Рудяк

Все права охраняются законом.

Copyright © 2007 Collaborative Spirit. All rights reserved .

Ilya Rudiak
630 Sanders Rd.
Northbrook, IL 60662

Двери на замках

Агония местечка

